

1991 г.

В.С. КОМАРОВСКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦИОЛОГА В СВЯЗИ С РЕФЕРЕНДУМОМ

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич — доктор философских наук, заведующий отделом НИИ «Опыт» Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор нашего журнала.

Сегодня мы радуемся повышению внимания общественности к достижениям отечественной социологической науки, но явно недостаточно обращаем внимания на то, что эта «востребованность» к результатам социологических исследований таит в себе немало «подводных камней», лежащих на пути нормального функционирования и развития социологии.

Особенно заметным это становится в связи с опросами общественного мнения населения, исследованиями массового сознания. Можно назвать не единичные случаи, когда результаты опросов становились оружием в противоборстве различных политических сил, а дискуссии вокруг них носили далеко не научный характер. Особенно показательны в этом отношении опросы по поводу введения в стране частной собственности на землю. Развернулись дебаты и вокруг формулировки вопроса референдума о сохранении целостности Союза.

Мне тоже пришлось участвовать в этой полемике. Будучи приглашенным в качестве эксперта на одно из заседаний Комиссии по референдуму секретариата Верховного Совета СССР я высказал ряд критических суждений. Они касались потенциальных возможностей населения адекватно истолковывать смысл вопроса такой трудности. В связи с этим и возникает вопрос более общего плана: есть ли в нашей науке конкретные данные, позволяющие судить об уровне подготовки к опросам нашего населения на сегодняшний день? Приходится признать, что такими данными она не располагает.

Сказанное свидетельствует, что проблема достоверности выводов, полученных на основе социологической информации, далеко не сводится к вопросам честности и профессиональной подготовки социологов или даже влиянию мировоззренческих установок ученого на истолкование результатов исследований. Ее решение напрямую связано с процессом методологического «самопознания» социологии как науки.

Остановимся на этой констатации, обсудив прежде всего вопрос о связи социологической науки и социальных изменений.

К анализу общественнознания можно, как известно, подходить с двух сторон: а) как относительно самостоятельной и специальной системе знаний, имеющей свои внутренние закономерности развития, категориальный аппарат и т.д. (в методологии это направление называют «интернализмом»); б) как к элементу целостной социальной системы, в рамках которой оно выполняет некое предназначение, решает определенный круг общественно значимых задач, имеет свой статус и социальную базу.

Насколько можно судить по итогам недавнего Всемирного социологического конгресса (Мадрид, 1990 г.) в настоящее время более детально разработана проблематика первого из названных подходов. Что касается места и роли социологии в системе других социальных институтов современного общества, ее функций и назначения, условий функционирования и т.п., то эти вопросы, на наш взгляд, разрабатываются в целом недостаточно конкретно. В СССР, например, нет значительных исследований, эмпирических или обобщающе теоретических, об отношении к социологии разных социальных и демографических групп населения, о запросах к социологической информации различных управленческих структур. Подобного рода пробелы безусловно препятствуют развитию социологии как науки. В частности, разрабатывая методiku и процедуру социологических исследований, всегда следует иметь в виду, что они проводятся не в вакууме, а в определенном обществе, социальной среде, через призму которой преломляются общие закономерности того или иного метода. Значимость этого фактора в наибольшей мере проявляется при использовании опросного метода, поскольку здесь в сам процесс исследования непосредственно включаются значительные массы населения. Уровень их информированности, социологической подготовки, состояние общественного мнения, отношение к социологическим исследованиям вообще, направленность их интересов и предпочтений, представления о возможностях использования социологической информации социальными институтами общества, отношение к самим этим институтам, социальный статус человека — это те объективные факторы, которые нельзя игнорировать при разработке конкретных методик и процедур исследования, ибо они непосредственным образом сказываются на отношении населения, различных групп к опросу, проявляются в поведении респондента во время процедуры осуществления социологического исследования, во многом определяют уровень внимательности, доброжелательности, заинтересованности и даже характер его ответов.

Довольно широко еще распространенная точка зрения на опрос как вид главным образом психологического общения между интервьюером (анкетером) и респондентом не отвечает, на наш взгляд, современному уровню развития социологической науки: она вырывает респондента из контекста его социальных связей, чего в действительности не происходит. Как показал опыт ряда исследований, проведенных нами еще в 70-х годах [1], отвечая на вопросы анкеты (интервью), каждый респондент в большей или меньшей степени осознает сегодня общественную значимость как исследования в целом, так и его ответов в частности. Причем, не только применительно к себе, но и той общности, с интересами которой он себя идентифицирует, и даже к обществу в целом. Ситуация опроса рассматривается респондентом фактически как вид социального взаимодействия, имеющего последствия, выходящие за рамки его личных интересов, тем более исследовательской ситуации. Он понимает свою ответственность, что накладывает отпечаток на характер ответов.

При этом следует иметь в виду, что любые значительные изменения в общественной системе приводят в конечном счете к адекватным изменениям в положении социологии в обществе, отношении к ней различных групп населения, их желаний и возможностей участия в социологических исследованиях.

Начавшиеся в СССР преобразования создали в стране новую политическую ситуацию. Широкие массы населения получили возможность реально включиться в управление страной, процессы принятия решений; создаются условия для проявления инициативы людей, открывается простор процессам саморегулирования и самоуправления обществом. В обществе предпринимаются усилия отладить механизм свободного формирования и выявления интересов и воли различных групп. Резко возрастает роль и значимость общественного мнения.

Таким образом, создаются новые социальные связи, новые механизмы включения человека в жизнь общества, изменяется характер отношений между лич-

ностью и государством, личностью и обществом, между различными социальными институтами. Логикой развития социальная проблематика выходит на передний план, что принципиально изменяет и общественный статус социологической науки и отношение к ней. Меняется и сам респондент.

Исследования состояния массового сознания, проводимые нами в 1983-1988 гг. в ряде регионов страны в одних и тех же трудовых коллективах (цехах, бригадах) [2], показали, что за годы застоя в сознании и психологии масс сформировался ряд устойчивых негативных явлений (которые во многом определяют состояние сознания в целом), прежде всего таких, как социальная апатия и правовой нигилизм, конформизм и нежелание брать на себя какую-либо ответственность, экономическая безграмотность, низкий уровень конструктивности мышления, консерватизм, шаблонность и несамостоятельность. Все это самым непосредственным образом сказывалось на результатах и возможностях социологических исследований.

Во-первых, трудно было получить искренние ответы. Во-вторых, вместо личного мнения исследователь часто выявлял газетные штампы и стереотипы. Пробыться через декларативность сформировавшихся представлений было чрезвычайно трудно.

Социальный эффект опросных исследований, как известно, во многом определяется развитостью у населения конструктивных навыков мышления, которые особенно ярко проявляются в ответах на «открытые» вопросы анкеты, интервью, не предлагающие заранее подготовленный набор вариантов. Собранные данные показывают, что этого как раз многим еще не хватает. Так, только 5% из предложений, высказанных обследованными лицами в 1983 г. по социальным вопросам, вопросам функционирования социалистической демократии на местах и т.п., можно было отнести к числу конструктивно-деловых, т.е. предлагающих конкретные пути решения вопроса. Весьма часто люди уходили от ответа на острые вопросы или не имели собственной позиции, да и вообще далеко не всегда охотно принимали участие в исследованиях.

Опросы 1987-1988 гг. выявили значительные позитивные сдвиги в массовом сознании. Люди стали более открытыми и откровенными, не боятся выражать свою точку зрения, научились трезвее смотреть на себя и на то, что происходит вокруг, раздвинулся и горизонт их мышления, укрепилось чувство гражданской ответственности.

Особенно заметные изменения произошли в сфере политического сознания, что отчетливо проявилось в ходе прошедших выборов. По полученным нами данным, в крупных городах примерно только 5% (на селе и в малых городах заметно больше)¹ избирателей не имело представления, чем должен заниматься народный депутат и голосовали совершенно немотивированно (например, за того, кто стоит в списке первым). Еще порядка 20%, хотя и не знали выборных программ кандидатов, их биографий и т.п., но политический инстинкт все же позволял им более или менее успешно ориентироваться. Почти половина избирателей к концу кампании имели достаточно сведений о кандидатах, принимали в той или иной форме участие в выдвижении и обсуждении кандидатур. Это свидетельствует о безусловном повышении уровня компетентности избирателей. В Москве, например, 50% избирателей (абсолютно первое место) указало, что ориентир их выбора был таков: депутат — это политический деятель, способный выполнять государственные обязанности, обладающий видением путей решения проблем общенационального характера.

Анализ хода выборной кампании показал, что население впервые интересовалось процедурными вопросами, весьма активно знакомилось с законом о выборах по мере ее разрабатывания, постепенно овладевало навыками политической деятель-

¹ Опрос проводился в восьми регионах страны. Выборка построена на основе списков избирателей. Опрошено более 4 тыс. человек [3].

ности и самоорганизации (последнее — одно из важных достижений выборной кампании, главный показатель появления условий для демократизации и формирования гражданского общества).

Эти процессы получили дальнейшее развитие в ходе работы Съездов народных депутатов СССР, Верховных Советов республик. За их работой могли следить миллионы телезрителей страны, что способствовало снижению степени аморфности и неопределенности состояния общественного сознания и общественного мнения в политической сфере и что можно рассматривать как предпосылку более активных и консолидированных действий общественности в будущем. По нашим данным, общественное мнение уже достаточно подготовлено к плюралистическому видению проблем развития страны и общества, путей их решения.

Выборы в местные органы власти (1990 г.) выглядят, на первый взгляд, менее убедительным доказательством позитивных сдвигов в массовом сознании. Так, по полученным нами данным² в некоторых регионах страны до трети избирателей принимали решение о своем выборе непосредственно на избирательном участке, по существу не представляя, за что и за кого они голосуют. Существенно снизилась и активность избирателей. Однако это не дает оснований полагать, что уровень их гражданственности, политической культуры и компетенции снизились. Падение активности и интереса избирателей здесь объясняются в первую очередь резким ухудшением социально-экономического положения в стране, неэффективностью работы Советов, массой организационных просчетов, допущенных во время кампании по выборам в местные органы власти. Поэтому нет оснований ставить под сомнение общую, безусловно, позитивную направленность изменения массового сознания, которая самым непосредственным образом сказывается на возможностях опроса. Сравнительный анализ свидетельствует, что население СССР теперь с большим интересом относится к социологическим исследованиям, расширился круг проблем, по которым оно может высказаться достаточно компетентно, повысилась искренность, возросло умение самостоятельно и адекватно формулировать свои мысли.

Как следствие, расширились возможности социолога задавать открытые вопросы позволяющие получить представление не только об оценках различными группами населения тех или иных проблем, но и их суждениях о путях решения этих проблем. Сейчас практически нет таких вопросов, на которые население не захочет ответить по причине боязни негативных последствий.

Совершенно очевидно, что эта позитивная направленность изменений массового сознания важна не только для оценки возможностей социологических опросов, но и референдумов, поскольку во многих отношениях данные процедуры идентичны. Это, в свою очередь, позволяет предварительно заключить: уровень зрелость политического сознания нашего населения сегодня достаточен, чтобы в стране можно было начать проводить референдумы, ибо большинство населения, в принципе, готово достаточно активно, сознательно и компетентно участвовать в них.

Данный общий вывод, безусловно, нуждается в уточнении: насколько широк тот круг проблем и вопросов, которые уже сегодня можно выносить на референдум и получить в его результате достаточно зрелое заключение народа? Захочет ли народ участвовать в референдуме по тому или иному конкретному вопросу и т.д.? Из общих рассуждений на эти вопросы получить ответ невозможно, поэтому мы переходим к изложению некоторых конкретных данных, касающихся предполагаемых референдумов о частной собственности на землю и о будущем Союза. Предварительно заметим, что результаты Всесоюзного опроса, проведенного

² В четырех регионах страны опрошено по спискам избирателей более 5 тыс. человек. Опросы проводились до начала выборной кампании, в ее ходе и после завершения голосования.

в середине декабря 1990 г. в 22 регионах страны³ однозначно свидетельствуют, что большинство населения «морально» созрело и, в принципе, готово к участию в референдумах. Выступающих вообще против использования этого института прямой демократии в целях решения (или обсуждения) наиболее важных для жизни страны и народа вопросов насчитываются единицы. Даже если к ним присоединить 17% опрошенных, затруднившихся ответить на соответствующий вопрос анкеты, это не изменит общей картины.

Значит ли это, что с проведением референдума в СССР вообще, и по названным вопросам в частности, в анализируемом здесь плане уже не будет проблем? Конечно, нет. Показательна в этом отношении позиция народных депутатов СССР, которые в количестве более 600 человек были опрошены во время работы IV съезда.

Одобрив в принципе проведение референдума по двум вышеназванным вопросам, многие депутаты в то же время относятся к самой идее референдума очень осторожно. В ответах подчеркивалось, что население страны еще не обладает опытом участия в референдумах, достаточными знаниями и навыками в сфере политического поведения. Прибегать к референдуму депутаты предлагают только в редких случаях и, главным образом, по местной проблематике.

Первый опыт участия населения в референдумах подтверждает многие из опасений депутатов. Так, например, жители Одессы в результате двух референдумов по проблемам жизни своего города пришли к выводам, которые в большой степени фактически противоречат друг другу. Мягко говоря, далеко не все безоблачно выглядит и с референдумами по вопросам сохранения целостности Союза и о частной собственности на землю. Хотя по полученным данным оба референдума «соберут кворум», и в них готово принять участие необходимое большинство населения, тем не менее, только 44% опрошенных назвали референдум по вопросу сохранения целостности Союза в числе первоочередных, а референдум о частной собственности в числе первоочередных назвали только 28%. Правда, темы всех других референдумов вместе взятых назывались меньшим числом респондентов. В чем причина такого довольно сдержанного отношения населения к данным референдумам?

Эти причины различны и лежат в разных плоскостях. Есть среди них и такие, которые, по нашим данным, связаны с тем, что определенная часть населения все еще не ощущает себя готовой выносить суждения по такого рода сложным и глобальным проблемам. В пользу этого заключения свидетельствует хотя бы тот факт, что выявлены различия в отношении к референдуму среди отдельных групп населения. Так, за референдум по вопросу сохранения Союза выступает наиболее активно интеллигенция (более половины опрошенных) и менее активно — колхозники, рабочие совхозов («за» — каждый третий). За референдум по вопросу частной собственности на землю значительно активнее, чем выборочная совокупность в целом, высказались, в частности, жители Приморья, где вопросы собственности (в связи с предполагаемой возможностью создания зон свободного предпринимательства) уже давно находятся в поле внимания общественности. Может показаться, что наши выводы «не стыкуются» с результатами других исследований, в частности опросом еженедельника «Аргументы и факты», согласно которому абсолютное большинство однозначно высказалось за допущение частной собственности на землю в стране. Однако, во-первых, это суждение читателей еженедельника и никого другого. Утверждение в стране реального идеологического плюрализма привело к тому, что политическая ориентация отдельных изданий стала заметно отличаться друг от друга. Соответственно отличны,

³ Прибалтика, Закавказье, Молдова в анализе не участвуют или по причине отсутствия соответствующих данных, или потому, что удалось опросить только русскоязычное население. Авторский коллектив данного исследования — доктора философских наук Андрющенко Е.Г., Бестужев-Лада И.В., Комаровский В.С., Коробейников В.С. Сбор информации осуществлен сотрудниками Главной редакции писем и социологических исследований Гостелерадио СССР.

хотя возможно не в такой же мере, и ориентации читателей. Второе. На почтовые опросы отвечает более активная часть населения, что делает возможность распространения данных этих опросов на население страны в целом еще более проблематичной. Третье соображение. Основными доводами в развернувшейся в связи с этими референдумами полемике нередко служит численность населения, высказавшегося «за» или «против» без выяснения адекватности отражения в сознании респондентов самого понятия частной собственности на землю или что такое новый Союз. В результате последующие толкования итогов опросов общественного мнения не позволяют, на наш взгляд, объективно оценить истинное состояние проблемы.

С целью прояснения существа дела нами было проведено небольшое социальное исследование⁴. По полученным данным, лишь около половины опрошенных во Владимирской области могут достаточно квалифицированно судить о существовании частной собственности на землю. (Голоса за частную собственность, они понимают под ней любые участки земли, которые могут находиться во владении у граждан.) Другая часть опрошенных придерживается той точки зрения, что в частной собственности могут находиться лишь дачные и приусадебные участки (24%), либо земля, отведенная под индивидуальную застройку (21%). Подтверждением недостаточного понимания существа этого вопроса населением служит и тот факт, что указывая на качественные характеристики частной собственности, лишь каждый четвертый заявил, что прежде всего — это право купли-продажи, наследования, дарения, передачи земли в залог.

Понимание москвичами сущности вопроса о частной собственности на землю отличается большей глубиной, но не настолько, чтобы эти расхождения вводить в ранг принципиальных. Не менее важно и то, что значительная часть респондентов не выразила уверенности в том, что не изменит своей позиции через два-три года.

Не претендуя на общезначимость выводов из проведенных опросов и рассматривая их как сугубо предварительные, тем не менее можно отметить: население пока не имеет ясного представления о сущности понятия частной собственности на землю, а следовательно, нет уверенности, что референдум по вопросу о частной собственности на землю позволит выявить истинные позиции избирателей и адекватно интерпретировать результаты референдума.

Не менее сложное положение складывается с референдумом по вопросу о будущем Союза ССР. Результаты опроса во многом подтверждают сомнения специалистов относительно формулировки выносимого на референдум вопроса.

Так, на наш вопрос «Считаете ли Вы, что вопрос о будущем Союза ССР, выносимый на референдум, поставлен в ясной, четкой форме, не навязывает Вам заранее ту или иную позицию (оценку, мнение) и Вам вполне понятен его смысл»? Ответы респондентов распределились следующим образом (в процентах к числу опрошенных):

	Владимирская обл.	Москва
Да	42,0	10,6
Отчасти да, отчасти нет	38,0	19,1
Нет, так не считаю	20,0	70,2

Для специалистов, профессионально занимающихся изучением общественного мнения, очевидно, что предложенная формулировка содержит в себе фактически несколько вопросов.

⁴ 19—20 января 1991 г. во Владимирской области проведен анкетный опрос 100 жителей области, а в г. Москве были взяты телефонные интервью у 47 абонентов. Хотя выборка такого масштаба и географии не может претендовать на репрезентативность, тем не менее итоги исследования дают достаточно оснований для выводов о понимании населением существа затрагиваемых на референдуме проблем. Исследование осуществлено совместно с М.Х. Мусиным.

Что такое будущий Союз? Среди опрошенных нет единства, что в будущем наша страна должна носить прежнее название. За его сохранение во Владимирской области выступает 46%, а в Москве — всего четвертая часть опрошенных; за Союз Советских Суверенных Республик соответственно 24% и 43%. Остальные предлагают иное название, либо ограничиваются изъятием из употребления определений «социалистических» или «советских».

Второй вопрос — «обновление федерации». Многие из опрошенных имеют слабое представление или просто затрудняются определить для себя, что означает «Союз... как обновленная федерация». Отсутствие тождественности между провозглашаемыми Конституцией и реально существующими принципами функционирования нашего государства не стимулирует укрепления доверия к декларируемым изменениям. Все осознают их необходимость, но не все убеждены в реальности их воплощения в жизнь.

В нашей публицистике споры о сущности обновления федеративного устройства Союза сконцентрированы главным образом вокруг соотношения центра и республик, а также прав человека.

Важно подчеркнуть, что для большинства респондентов решение вопросов о правах человека в будущем Союзе имеет более важное значение, чем распределение власти между центром и республиками. Так, 47% опрошенных во Владимирской области и 53% жителей Москвы, отвечая на вопрос: «Что для Вас является наиболее важным в будущем Союзе?», отметили пункт «неважно, где будет сконцентрирована власть, важно, чтобы соблюдались права человека, независимо от места проживания, национальной принадлежности»; соответственно 20 и 32% опрошенных высказались, что «главное, чтобы не было диктата Центра, а большинство вопросов решалось на уровне республики»; 29% во Владимирской области и 17% в Москве указали, что «важно, чтобы в Союзе был сильный центр, иначе в стране не будет порядка».

Таким образом, вопрос в предложенной формулировке носит многоплановый (в понимании респондентов) характер, причем отдельные его составляющие в их сознании не всегда адекватно состыкованы друг с другом. Соответственно, указывая на позицию «за» или «против», участники референдума вполне вероятно будут иметь в виду различные составляющие формулировки вопроса. Следовательно, будет трудно предложить единую интерпретацию результатов всенародного голосования.

Создается впечатление, что политики не только принимают решение быть или не быть референдуму, что, безусловно, в их компетенции — но и «единочасно» определяют формулировку вопроса. А здесь им, на наш взгляд, без лингвистов не обойтись. Причем, анализ этими и другими специалистами формулировки вопроса, принципов организации референдума должен проходить открыто и гласно, чтобы свою позицию могли отстаивать все участники обсуждения, придерживающиеся различных точек зрения, а не только те, которые ближе к «власть имущим». Это первое условие превращения референдума в важный фактор консолидации народов страны. Конечно, необходимо производить регулярные замеры состояния общественного мнения при определении будущности Союза, которые позволили бы оценить степень адекватности понимания различными слоями населения сущности вопросов, требующих референдума. Это позволяло бы вносить соответствующие коррективы в разъяснительно-пропагандистскую кампанию всенародного голосования по судьбоносным вопросам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаровский В.С.* Методика социологического исследования возможного воздействия буржуазной пропаганды // *Вопр. теории и практики идеологической работы.* М. 1986. N 17.
2. *Идеологическая работа и социальное творчество масс.* М.: Политиздат. 1989.
3. *Время выбора.* Местные комитеты КПСС в новой политической ситуации формирования Советов народных депутатов. М. 1989.